

ДИСКУРС ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НЕОКОНСЕРВАТИВНОЙ И НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИЯХ

О. А. Хлопов

*Кандидат политических наук, доцент,
ORCID: 0000-0002-5702-8288,
e-mail: rggu2007@rambler.ru,
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва, Россия*

THE DISCOURSE ON THE AMERICAN EMPIRE IN NEOCONSERVATIVE AND NEOLIBERAL IDEOLOGIES

O. A. Khloпов

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
ORCID: 0000-0002-5702-8288,
e-mail: rggu2007@rambler.ru,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

Abstract. The article analyses the prerequisites for the beginning of a discourse about the representation of the United States as an empire, which changed significantly in the second half of the 20th century, presents the assessments and the contribution of the neoconservative and neoliberal ideas to the US foreign policy. The author reveals the inability of neoconservative and neoliberal American thinkers to reconsider the US foreign policy positions in the light of modern global changes.

The author argues that the ideological and conceptual content of these paradigms have not only theoretical and academic importance, but they also contribute to the creation of US imperial ambitions based on the expansion and implementation of democratic, liberal procedures, norms and institutions in various regions of the world with the help of using hard power. Such an «fundamental» approach contributes to the very crisis that the US claim to resolve.

Keywords: empire; neoconservatism; neoliberalism; ideology; American imperialism; soft power; USA.

Понятие «империя» в американском дискурсе

Понятие «империя» использовалось американскими писателями задолго до обретения независимости от Великобритании. В таких случаях «империя» не означала геополитическую сферу, а была взаимозаменяема с понятиями «власть» и «суверенитет» и синонимом «власти» или «суверенитета» в продолжении имперского дискурса, который британская и, в более широком смысле, европейская политическая философия переняли у христианских представлений об универсальной монархии, сформулированных в Средние века [7].

В результате в период раннего Нового времени у понятия «империя» отсутствовали негативные коннотации, приобретенные в конце XVIII и начале XIX веков в ответ на европейскую гегемонию и эксплуатацию, в результате чего американские колонисты возражали против термина «колония», но не против «империя» [16].

Таким образом, империя рассматривалась не как угроза демократии и свободе, а как средство, с помощью которого эти идеалы могли поддерживаться. Этому способствовало все большее распространение в дискурсах XVIII века о колониях образа республиканского Рима и связи

между народным суверенитетом и государственной властью. Уильям Блэкстоун, один из первых комментаторов суверенной юрисдикции в быстро удаляющихся американских колониях, определил «империю» как «высшую, непреодолимую, абсолютно неконтролируемую власть, в которой существуют «права суверенитета» (*jura summi imperii*). В этом отношении «Американская империя» как совокупность более высоких универсальных идей стала государством с «обязательством, не иметь территориальных или политических границ» [23]. Такая концепция понимания «империи» как выражения вновь обретенной суверенной власти наиболее широко использовалась Томасом Джефферсоном, который неоднократно подчеркивал эту тему в своем политическом эссе «Империя свободы». Этот дискурс завершился в 1809 г. его заявлением о том, что «ни одна конституция никогда прежде не была так хорошо рассчитана, как наша для расширения обширной империи и самоуправления» [23, с. 26]

В поисках новых земель для возделывания и возможностей для эксплуатации постоянно растущее число поселенцев, спасающихся от угнетения в Старом Свете, способствовало экспансии как географической, так и идеологической, продвигая вперед «границу свободы». Это светское господство поощряло господствовавшее в США убеждение, что Америка представляет собой исключение из европейских политических норм. Вместо этого Америка представлялась тем, что Джон Уинтроп описал в 1630 г. как «Город на холме» [7, с. 7]; Америка и ее зарождающаяся империя стала исключительными государством, а не продолжением европейских мотивов построения империи.

Хотя имперские аналогии с современными США используются слишком часто, нельзя отрицать, что римская цивилизация – скорее воображение Рима, чем его реальность – оказала значительное влияние на американское политическое само-

восприятие. Антагонизм между британцами и американцами, в течение десятилетий до 1776 г. в подавляющем большинстве случаев был обусловлен ссылками на республиканский Рим, его основополагающие философские обязательства и сопутствующий учет институтов, а также политических прав и обязанностей [13, с. 76–77].

После обретения независимости в дискуссиях о том, как структурировать новое общество, таких как те, что были поддержаны Федералистскими документами и антифедералистскими документами, снова преобладали уроки, извлеченные из Рима. Особенно заметно в этом представлении Цицерона о Риме как о добром защитнике (патроциниум), а не как о завоевателе (империум) цивилизации. Задолго до обретения независимости и ускорившееся впоследствии представление об империи-хранителе, а не об империи-завоевателе легло в основу о представлении о зарождающихся США [22]. Представление о «явной судьбе» американской экспансии на континенте поддерживалось различием в джефферсоновской «империи свободы» между политическими средствами и философскими целями, которые провозглашали что «империя Свободы не должна была быть ни изолированным политическим образованием, ни империалистической силой для принудительного распространения идеалов свободы: и удерживать имперское господство не оружием или политической властью, а чистым величием идей и идеалов» [23].

Федеральная государственная система позволила новым областям расселения воспроизвести джефферсоновскую федералистскую модель децентрализованного правительства и полуавтономных сообществ, осуществляющих права верховной власти, одновременно заменяя неэффективный, централизованный и отдаленный империализм британского типа эффективным самоуправлением внутри штатов [19]. В этом отношении Американская

империя была основана на том, что американские историки называют «сетевой силой»; «демократическое взаимодействие властей, объединенных в сети, конституционное формирование ограничений и равновесий, сдержек и противовесов, которое одновременно составляет центральную власть и поддерживает власть в руках множества» [8].

Такое понимание ранней американской империи воспроизводится в ряде политических и философских концепциях. Следовательно, США нельзя назвать классической империей, поскольку в них власть делегируется волей большинством, и если оно не одобряет внутренней или внешней политики институтов, то меняет или обновляет власть [1]. Однако, особенно начиная с 1945 г., представление об Америке как империи получает другое значение.

Так британский историк Нейл Фергюсон утверждает, что мир был бы лучше, если бы Соединенные Штаты признали свою имперскую природу и приступил к управлению своей империей в связным и последовательным образом. Таким образом, задача для Фергюсона не в понимании почему Америка является империей, а скорее почему американцам так трудно смириться со своим имперским статусом [4].

Далее мы проследим, каким образом две ключевые парадигмы – неоконсерватизм и неолиберализм – описывают Американскую империю и отвечают на вызовы США за последние десятилетия, когда возможности для расширения американской демократии стали ограничены возникающими неудачами – интервенция в Афганистане и Ираке, экономический размах финансового кризиса 2008–2009 гг., политические результаты президентства Д. Трампа и «проблемное президентство» Джо Байдена. Хотя эти два подхода различаются и рассматривают современную внешнюю политику США совершенно по-разному, их объединяет идеологическая приверженность элемен-

там классического либерализма и вера в продвижение американских ценностей за рубежом, даже если для этого необходимо применить силу.

Неоконсерватизм о роли США в мировом порядке

Неоконсерватизм это политическая идеология и общественно-политическое движение, зародившееся в Соединенных Штатах в 1960-е гг. среди либеральных ястребов, которые разочаровались в пацифистской внешней политике демократической партии, а также в растущем числе новых левых. Некоторые сторонники также начали сомневаться в своих либеральных убеждениях в отношении внутренней политики США. Неоконсерваторы обычно выступают за продвижение демократии и интервенционизма в международных делах, включая мир через силу.

Хотя неоконсерватизм наиболее явно ассоциируется с президентством Дж. Буша-мл., его идеологическое и концептуальное обоснование возникло из работы группы американских либералов, разочарованных нежеланием демократов решительно отстаивать либеральные ценности во враждебном мире с помощью жесткой силы [3].

На рубеже XX–XXI вв. взгляды и работы таких неконсерваторов как Пол Вулфовиц, Уильям Кристол, Роберт Каган и Чарльз Краутхаммер. Их работы стали влиять на концептуальное оформление внешней политики США и их союзников [9].

Вдохновленные защитой джефферсоновской империи свободы, они долгое время поддерживали то, что было определено как «глобальный унитаризм на моральной арене» [3, с. 83], и представили обоснования и причины превращения Америки в глобальную сверхдержаву в 1990-е гг.

Контекст «холодной войны», а затем «война с террором» придала неоконсерватизму импульс в своем развитии, на фоне которых США следует продвигать демократию в своей внешней политике. Это проявилось в той последовательности, с

которой неоконсерваторы, такие как Роберт Каган, Пол Вулфовиц и Уильям Кристол, следовали за Ирвингом Кристолом, крестным отцом неоконсерватизма, веря в непреходящую потребность США в одностороннем порядке сохранить Pax Americana [24], а «уничтожение монстров стало предпосылкой для создания Американской империи, а Американская империя была предпосылкой для Империи свободы» [11].

Однако до сих пор ведутся споры о том, в какой степени демократия, а не американская однополярность является ключевой основополагающей ценностью неоконсервативной мысли [21].

Неоконсерваторы часто заявляют об основополагающей важности американской однополярности, а ценность демократии проистекает из ее американского характера. В этом отношении концептуализация демократии несовершенна, поскольку либеральная представительная демократия долгое время продвигалась как нейтральное средство мирного отстаивания интересов индивидуумов. Однако неоконсервативное оправдание продвижения демократии часто ссылается на социальную инженерию на основе нелиберальных способов. Свержение авторитарных режимов, таких как Советский Союз и саддамовский Ирак, часто представлялось ими, как средство освобождения людей от предпочтений и «ложного сознания», которые, в конечном счете, расходятся с их реальными интересами. Радикальные, революционные действия стали ключевым направлением неоконсервативной внешней политики США в ответе на глобальные события. Ряд неоконсерваторов признали «возвращение истории» [12] в появлении многополярности «американского кризиса» [20] и возможность цикла упадка, который был выявлена в различных парадигмах. В своих работах Роберт Гилпин, Дэвид Каллео, Пол Кеннеди и Роберт Кеохейн утверждали, что выявили симптомы упадка еще в 1980-х гг. [15].

Неоконсервативные взгляды на упадок роли США основаны на том, что мировой порядок, созданный после Второй мировой войны 1945 г. больше не функционирует, и что интернационализм потерпел крах, но его можно воскресить [10].

Американские историки консервативных взглядов признают тот факт, что имперское господство циклично и переходит от одного общества к другому (в данном случае, Китаю), в то время как Лейн, утверждал, что новый порядок будет зависеть от приверженности Пекина к созданию альтернативы интервенционистскому институционализму под руководством США [14].

Даже те неоконсерваторы, которые признают возможность «заката США», предполагают, что некоторые исторические исследования преувеличивают американскую активность в прошлом и недооценивают ее в настоящем. Как утверждает Роберт Каган «многие из сегодняшних впечатлений об упадке американского влияния основаны на ностальгическом заблуждении, что когда-то было время, когда Соединенные Штаты могли изменить весь мир в соответствии со своими желаниями. Этот образ прошлого – иллюзия. Такого времени никогда не было» [12].

Ф. Фукуяма, который в 2004 г. выступил с критикой в отношении действий администрации Дж. Буша-мл. и покинул лагерь неоконсерваторов, отмечает, что США «не смогли предвидеть потребности в умиротворении и реконструкции Ирака и были слишком оптимистичны в своей оценке легкости, с которой широкомасштабная социальная инженерия может быть достигнуто». США применили жесткую силу, чтобы свергнуть тирана и установить представительную демократию.

Результатом стало создание политической системы, раздираемой межконфессиональным конфликтом и подрывом главенства и однополярности США, роспуск неоконсервативного мозгового центра «Проекта для нового американского века»

в 2006 г., трансформировавшийся в проект «Внешнеполитическая инициатива», который также был закрыт в 2017 г., что свидетельствует о кризисе неконсервативных идей во внешней политике США.

Однако тот факт, что такие внешнеполитические идеологи, как П. Вулфовиц, И. Кристол и Р. Каган могут утверждать, что неудачи были вызваны недостаточным, а не чрезмерным применением жесткой силы, указывает то, что еще рано списывать неоконсерватизм. Тот факт, что хаос современного Ближнего Востока не поколебал веру некоторых неоконсерваторов в применении военной силы, свидетельствует о том, что такой подход несет с собой опасность военной катастрофы.

Неолиберализм об имперской «мягкой силе» США

Если неоконсерватизм сосредоточен на продвижении демократии и либеральных ценностей, с помощью принудительных или военных средств, то неолиберализм с 1990-х гг. сделал ставку на важность американской культурной гегемонии и ценности капитала для интересов США. Джозеф Най, яркий представитель неолиберализма и автор концепции «мягкой силы» при оценке международной роли США опасается использовать термин «империя» потому, что империи поводят принудительную политику, а не по согласию, и отчасти потому, что некорректно сравнение США и Императорского Рима [17]. Либерализм и его склонность к сотрудничеству и взаимозависимости через рынок, как полагает Най, наделяют американскую культуру уникальной исторической ценностью для людей, которая, по мнению либералов, способна вовлечь различных людей в единую социальную сферу.

Это связано с тем, что способность американского либерализма создавать устойчивые институты позволяет рациональным, эгоистичным людям эффективно и мирно преследовать свои интересы, а институты уменьшают неопределенность, снижают транзакционные издержки и решают проблемы коллективных действий [17].

В то время как неоконсерватизм грубо ссылается на демократию как на основополагающую ценность, неолиберализм поддерживает гораздо более широкий набор институциональных механизмов, сводящихся к защите негативной свободы, частной собственности и рынка.

Наиболее четкое историческое изложение этой позиции исходит от президента США Вудро Вильсона, который полагал, что сосуществование и сотрудничество с государствами возможны только в том случае, если эти государства живут в соответствии с либеральным международным правом. Вильсон в своих «Четырнадцати пунктах» выступал за «всеобщую ассоциацию наций для предоставления взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности всем государствам» [25]. Как следствие, и в соответствии с описаниями Цицерона и Джефферсона патронамиальной империи свободы, неолибералы стали приверженцами распространения «либерального государства» посредством интервенции как ключевого «императива внешней политики».

Однако, в резком контрасте с неоконсерватизма жесткой силой, неолиберальный институционализм Дж. Най фокусируется на «мягкой силе»: «способности получить то, что вы хотите, посредством привлечения, а не принуждения или оплаты... вытекающей из привлекательности культуры страны».

После Второй мировой войны имперское превосходство Америки было далеко не неизбежным, но США оказались державой с существующим философским проектом и легитимностью для надзора за построения неформальной империей, а успех этой «империи по приглашению» [6] был продемонстрирован интеграцией с бывшими врагами – Германией и Японией.

В своих работах Дж. Най и неолибералы ясно дают понять, что сегодня Соединенные Штаты не являются империей в том смысле, в каком мы думаем о европейских заморских империях XIX и XX веков, потому что основной чертой такого

империализма был прямой политической контроль. По сути, центр империализма сместился с европейского стиля колониализма западных государств, загнанных в неравноправные отношения власти, к новому неформальному/гегемонистскому соглашению между развитыми обществами, разделяющими равенство в рамках «добровольного империализма глобальной экономики» [2, с. 18].

Свободная торговля позволили США проникать в когда-то изолированные общества благодаря превосходству их товаров. Для неолибералов американская «мягкая сила» является мощной внешнеполитической силой именно потому, что она не распространяется силой оружия, она привлекает и играет «решающую роль в продвижении демократии, прав человека и открытых рынков», поскольку «легче привлечь людей к демократии, чем заставить их быть демократическими» [17].

Вопреки геополитическому соперничеству неоконсервативных взглядов с нулевой суммой, Дж. Най признает, что США нуждаются в союзниках, но теперь они в большей степени, чем раньше, способны действовать, не опасаясь соперников. Он считает, что Китай по своей сути не способен бросить вызов США на глобальном уровне, хотя у него есть потенциал стать региональной державой и вытеснить интересы США за пределы материковой части Восточной Азии и стран АСЕАН [18]. По его мнению, КНР не способна преодолеть сложившиеся десятилетиями американские частные и государственные коммерческие, образовательные, религиозные, политические и военные институты, с помощью которых США добились влияния во все более англоязычном мире [17].

Такой анализ проистекает из веры в то, что международные неолиберальные институты способны обеспечить, чтобы по мере институционализации эти общества становились более похожими на саму Америку. По сути, альтернативы либера-

лизму просто демонстрируют его непреходящую ценность и подтверждают, что модель нужно просто доработать и применить заново, приложив больше усилий.

Эта позиция очевидна в утверждении Дьюдни и Икенберри о том, что «средством решения проблем либеральной демократии является более либеральная демократия; либерализм содержит в себе семена собственного спасения», т.е. это кризис американского управления либеральным порядком, а не самого либерального порядка [10].

Таким образом, решение проблемы заключается в большей мягкой силе за счет укрепления либеральных институтов. США может не хватать грубой мощи и уверенности в себе имперского «золотого века» 1945–2001 гг., но неолибералы по-прежнему убеждены, что американское превосходство можно сохранить посредством реформ.

Дж. Най предвосхищает опасения экспертов по поводу того, что долг США негативно влияет на проецирование власти. В случае, если американские институты не адаптируются или общественное доверие к американским институтам быстро уменьшится [17, с. 88], американская мощь ослабнет. Внутренние социальные проблемы в США, которые отчетливо начали проявляться о времени администрации Д. Трампа, сегодня усугубляют социальную раздробленность и недоверие к общественному порядку и правительству.

Однако, есть и те кто, охраняют веру в превосходство Америки, и что социальные реформы, заложенные в повестке дня Трампа «Америка прежде всего», и экологической политики Джо Байдена на самом деле смогут вернуть Америке первенство и лидерство в либеральном международном порядке, а не просто поддерживать США как одно из нескольких равноценных государств.

Подводя итог, следует отметить, что тема «империя свободы», впервые разработанная Томасом Джефферсоном для

определения ответственности Соединенных Штатов за распространение свободы по всему миру. Джефферсон видел миссию США с точки зрения подачи примера, экспансии в западную часть Северной Америки и вмешательства за границу. В истории внешней политики США Империя Свободы послужила мотивацией для ведения испано-американской войны (1898), Первой мировой войны (1917–1918.), Второй мировой войны (1941–1945), «холодная война» (1947–1991) и война с терроризмом в начале 2000-х гг.

Несомненно, что имперское начало и глобальное лидерство глубоко укоренились в сознании американцев и политической элиты США. Как неоконсерваторы, так и неолибералы принципиально верят в незыблемую подлинность своих концепций и практик. Для неолибералов недостатки объясняются недостаточной частотой применения и количеством демократических норм и институтов, для неконсерваторов – не в полной мере применение жесткой силы для борьбы с автократией и тиранией.

Нежелание американской политической элиты взаимодействовать с реальностью, адаптировать концепции к трансформации современной мировой системы, неспособность формировать конструктивную политику – все это ведет именно к тем кризисам, которые неолиберализм и неконсерватизм претендует на устранение, что приводит к рискам в результате проводимой внешней политики США.

Библиографический список

1. Согрин В. В. Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 91–109.
2. Cooper R. The Post-modern State and the World order. Demos. 2000.
3. Dorrien G. Imperial Designs: Neoconservatism and the New Pax Americana. Routledge, 2013.
4. Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire // New York: Penguin Press. Ferguson УН., 1991.
5. Ferguson N. Mansbach R.W. Between Celebration and Despair: Constructive Suggestions for Future International Theory // International Studies Quarterly. 1991. Vol. 35. №. 4. Pp. 363–386.
6. Gordon P. H., Shapiro J. Allies at War: America, Europe, and the Crisis over Iraq. McGraw-Hill Companies. 2004.
7. Greene J. P. Peripheries and Center: Constitutional Development in the Extended Politics of the British Empire and the United States, 1607–1788. WW Norton, 1990.
8. Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, Mass: Harvard University Press. 2001.
9. Halper S., Clarke J. America Alone: The neo-conservatives and the Global Order. Cambridge University Press, 2004.
10. Ikenberry G. J. The End of Liberal International Order? //International Affairs. 2018. Vol. 94. № 1. Pp. 7–23.
11. Immerman R. H. Empire for Liberty // Empire for Liberty. Princeton University Press. 2010.
12. Kagan R. The world America made. Vintage, 2013.
13. Kramnick I. The Federalist Papers. 1988.
14. Layne C. The US-Chinese Power Shift and the End of the Pax Americana // International Affairs. 2018. Vol. 94. №. 1. Pp. 89–111.
15. Lundestad G. The Rise and Decline of the American Empire: Power and Its Limits in Comparative Perspective. OUP Oxford. 2012.
16. Maier C. S. Among Empires. Harvard University Press. 2009.
17. Nye Jr J. Is the American century over?. John Wiley & Sons, 2015.
18. Nye Jr. J. Soft Power: the Origins and Political Progress of a Concept // Palgrave communications. 2017. Vol. 3. №. 1. Pp. 1–3.
19. Panitch L., Gindin S. Global Capitalism and American Empire // Socialist Register. 2004. Vol. 40.
20. Rachman G. Zero-sum future: American Power in an Age of Anxiety. Simon and Schuster. 2012.
21. Ryan M. Exporting Democracy // Neoconservatism and the Limits of Military Intervention. 1989. Vol. 2008. Pp. 491–515.
22. Schiavone A. The End of the Past: Ancient Rome and the Modern West. Harvard University Press. 2000.
23. Tucker R. W., Hendrickson D. C. Empire of Liberty: the Statecraft of Thomas Jefferson. Oxford University Press, USA. 1990.
24. Wolfowitz P. What Comes After the Syria Strikes. American Enterprise Institute, 11 April. 2017. URL: <http://www.aei.org/publication/what-comes-after-the-syria-strik>
25. Wilson W. 1918. The Fourteen Points. Speech to United States Congress 8 January. New Haven, CT: The Avalon Project. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson14.asp (дата обращения 07.08.2022).

© Хлопов О. А., 2022